

Моск. новости. — 2000. — 8 февр. — с. 24.

ПРОЗА

Литературное сообщество живет по законам политической тусовки.

Признаюсь: хотел просто написать о самых громких романах последнего времени — «Голубом сале» Владимира Сорокина и «Generation «П»» Виктора Пелевина

Хотел объяснить, почему они самые плохие, несмотря на то, что самые знаменитые. Потом понял, что без введения не обойтись, ибо романы эти выражают явления, характерные для всей литературной ситуации. Ее своеобразие создают три главные особенности.

Первая — резко усилившаяся групповщина, «тусовочность», которая практически сменила борьбу направлений. Здесь почти все, как в «большой политике», где различия КПРФ, «Единства» и «Отечества» не идеологические, а номенклатурно-групповые. Члены каждой литературной группировки хвалят и продвигают своих и «мочат» чужих. Чужих ругают за то, за что своих хвалят. Идет борьба за ограниченные денежные ресурсы, которые инвесторы согласны направить на литературный рынок. Из статьи в статью, из сайта в сайт, как во время предвыборной кампании, внушают, что имярек — гений, талант, событие года, событие века, автор лучшего романа и т.д. Под гения могут дать деньги.

Вторая особенность — явное отставание прозы от поэзии по художественному уровню, сопровождающееся попыткой кризис прозы преодолеть. Сейчас мы переживаем такой странный период, когда в жизни и в литературе циркулируют самые банальные истины. Говоря попросту, «всем все ясно». Есть писатели, которые пытаются такое положение обосновать как правильное и закономерное (например, А. Мелихов). Это идеология литераторов третьей ряда, которые сейчас всем и заправляют. Поэтому ожидания новизны сместились с содержательной стороны на форму: композицию, стиль, язык. Но проза не дает нового и здесь: кризис мастерства. Возможно, он связан с тем, что основная группа сегодняшних активно публикующихся писателей слишком быстро и легко вошла в литературу, и пропуском служил не природный талант, а наличие компьютера, на котором технически легко гнать километры текста, лишнего признаков художественности.

(Что же до поэзии, то она по своей сути предназначена для того, чтобы говорить «сдвинутым» языком о самом банальном. В марте 1972 г. Иосиф Бродский написал в «Письмах римскому другу» фразу, передающую общее наше ощущение 2000 года: «Говоришь, что все наместники — ворюги? // Но ворюга мне милей, чем кровопийца». Попробуйте изложить то же самое прозой! Это и есть поэзия, когда иначе не скажешь).

Виктор Пелевин

КЛОНИРОВАННОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Чтобы выбраться из кризиса, пытаются идти на хитрости, одну из которых в исполнении Андрея Хуснутдинова напечатало «Знамя» (1999, № 12): произведение называется «<СС: (>», а сам текст пестрит глубокими по смыслу знаками @, &, ©, ¶ и другими подобными. Все это определяется возможностями компьютера и симптоматично именно попытками приукрасить банальное, ибо в конце сочинения расшифровывается, что название означает: «Бог — это возможность потери». Примечательно, что в том же 12-м номере «Знамени» опубликован текст Марка Харитоновича «Amores novi» (жанр автор не определил). Самое интересное место — на странице 29, где Харитонов откровенно признается читателю: «фт rdtfcbfxkьК:Л...». Выразительная, загадочная и поэтичная цитата, сообщающая о том, что и Марку Харитонову хочется обрести новый язык, на котором он смог бы излагать банальности без оригинального сюжета.

Из прозаических книг прошлого года я могу назвать только одну с признаками относительной новизны картины мира, сюжетов и характеров — это «Русская книга людей» (издательство «Новое литературное обозрение») Владимира Тучкова. Но и тут мы имеем «собранные сочинения», а у автора уже проявляется тенденция к самоповторам.

И третья особенность современной литературной ситуации — сохранение разрыва между массовой литературой и литературой «серьезной». Несмотря на попытки ряда социологов поторопить процесс сращивания и даже объявить, что масскульт теперь и есть литература как таковая, эти две области пока остаются принципиально различными. Характерно, что такие «раскрученные» (в рыночном смысле) книги, как «Голубое сало» Владимира Сорокина, «Generation «П»» Виктора Пелевина и детективы Б.Акунина (Григория Чхартишвили), несмотря на все выдвигания, так и не получили ни одной литературной премии. Жюри были разные, но вердикты всегда были не в пользу масскульта. И это при том, что тут не «Маринин-Буренин», а писатели с ореолом «интеллектуальности».

Пример Сорокина и Пелевина с их судьбой самых громких литературных событий года, «культовых книг» и «всеми-жюри-отвергнутых-номинантов» как раз и иллюстрирует все аспекты современной литературной ситуации. Прежде всего яростная кампания продвижения на рынок (включая «сетевой скандал» вследствие несанкционированного попадания «Сала» в Интернет летом 1999 г.). Большинство критиков посчитало, что имела место попытка шумно отрекламировать некачественный товар, не получивший сертификата соответствия. Примечательна, однако, такая попытка: залезть на пьедестал и по-жириновски объявить: победитель — Я!!! Политические нравы и тут проникли в литературную жизнь.

«Голубое сало» издательство «Ad Marginem» выпустило вскоре после двухтомника Сорокина. Если бы оно было включено в этот двухтомник, никакой сенсации и не было бы. Получился бы простой компендиум, собрание типичных для Сорокина тем, способ выражения и нарушения норм. Один и тот же фокус в тысячу первый раз. Плюс к тому мотивы и образы Оруэлла, Замятина и модных ныне оккультных теорий Третьего рейха про мировой лед, полулю землю и прочую

Владимир Сорокин

муть. Натасчено отовсюду: скажем, увидел кто-то в увраже «Москва — Берлин» киноплакат работы В. Стенберга и Г. Рычкова к фильму «Ошибка инженера Кочина» (1939) — и готово дело, поместили на обложку. Так как «психологическую прозу» Сорокин писать не умеет, то от него и ждут лишь необычных кунштюков и кошунств. Но все имеет конец, и уже не осталось табу, которые Сорокин бы не нарушил. Вроде как *истридумывался*.

В «Голубом сале» описан виртуальный 1954 год, когда мир управляется союзом Гитлера и Сталина, Германии и СССР, победивших англосаксов с помощью атомной бомбардировки. Но такой политический союз садистов уже был в «Мясяце в Дахау». В «Сале» зато есть, скажем, граф Хрущев, гомосексуалист и каннибал, закусывающий парным мясом красивого юноши. Но и это сто первая вариация на темы маркиза де Сада и тоже буквальное повторение «Мясяца в Дахау». Относительно новое подробное описание полового акта Гитлера и дочери Сталина, вылизывающей подошвы сталинских сапог... Очевидно, что автор хотел просто фраппировать читателя. Вот и весь смысл.

И тут же Сорокин повествует о 2068 году и клонированных писателях. И дает читателю тексты, которые эти клонированные объекты производят: Достоевский-2, Ахматова-2, Платонов-3, Набоков-7... Искусственно синтезированные писатели строчат тексты, с той или иной степенью сходства воспроизводя собственный стиль. И это сильно напоминает Сорокина в нынешней его фазе. Роман написан клонированным Сорокиным, Сорокиным-2. Кстати, здесь мы встречаемся и с попытками придумать новый язык (см. выше о Хуснутдинове). В «Сале» придуман новояз XXI века, состоящий из китайских и англоподобных слов и, конечно, мата. Самые выразительные китайские слова — бэнхуй (катастрофа) и дахуй (съезд). Инфантильная игра вокруг запретов, наложенных взрослыми, и должна создавать ощущение чего-то новенького. Не случайно же в словаре китаизмов есть еще няо, гуньминь, сяобень, табень и чжи-чан — это все термины, описывающие человеческие выделения.

Сочинение Пелевина сразу было заявлено «Вагриусом» и автором романом века и романом поколения. Зачем ждать, чтобы это сделал кто-то в 2068 году? Но от нескромности — все беды. Пелевин избрал занятный, хотя и очень вторичный сюжет (см. того же Оруэлла или, например, фильм «Матрица») о том, что вся видимая российская политическая жизнь нарисована программистами какой-то законспирированной организации. Потом эти анимационные картинки транслируют по ТВ, и мы принимаем их за «Большую политику». Изображения и Ельцина, и премьера, и самого Березовского синтезированы, сю-

жеты их поведения придумываются криэйторами, Ельцина давно нет в живых, а кто Главный Сценарист — ясно. То ли КГБ, то ли вообще Никто, и потому все бессмысленно и алогично.

Мог получиться остроумный плутовский роман о рекламе, которая современным обществом демонизируется и разоблачается (в таком разоблачении Пелевин тоже весьма вторичен). Но автор плутовской сюжет сам же и загубил, превратив его в основу унылого мистического романа. Поскольку считает себя писателем масштаба Борхеса (и потому, кстати, тащит из Борхеса все, что плохо лежит; так когда-то Пелевин откровенно позаимствовал сюжет «Омона Ра» из американского фильма «Козерог-1»). Сочинение, поначалу делающее масскульт предметом разоблачения и высмеивания, быстро теряет иронию и само превращается в масскульт со всеми «феничками», положенными для такого дела: кусками вавилонской мифологии, буддизма, наркотиками, духом Че Гевары, который написал трактат об ORANUS'e (по-русски «РОТОЖО-ПЕ»), мухоморным отваром, который пьет герой, и т.п. Эту смесь и предлагается считать романом века.

И тоже, как и в случае с Сорокиным, мы получаем самописание. Трактат Че Гевары посвящен *поглощению и выделению* как главным механизмам массовой культуры. Так и Пелевин: сперва поглощает чужие идеи, а потом выделяет их в виде своего романа. Я даже думаю, что в романе, посвященном тому, как телевидение и криэйторы дурят население, выражены собственные опасения: *что никакой он, Пелевин, не писатель, а на самом деле давно и не без успеха дурит читателя, в действительности же писателя Пелевина нет.*

Сейчас наша литература переживает этап, на котором пытается адаптироваться к рыночным законам. Книги Пелевина и Сорокина иллюстрируют — помимо общего кризиса мастерства — невозможность такой адаптации при сохранении «серьезности» литературы и стремления писателей к инновационности. Книга как рыночный продукт и продукт PR-технологий неудержимо приобретает свойства *товара*, теряя все художественные качества. В ней начинают доминировать рекламные принципы, в частности принцип каламбура. Книга становится вторичной, делается из обломков чужих открытий, которые ранее доказали свой успех.

После того, как мы все поняли, что серьезная литература может существовать отдельно от государства (а, кстати, феномен «крупного писателя-современника» — это феномен государственной литературы, поэтому сейчас и нет «крупных писателей», и слава Богу!), нам предстоит понять, что она должна существовать отдельно от рынка. Лозунг ближайших лет: отделить рынок от государства, а литературу от рынка.

Михаил ЗОЛотоносОв